

Содержание

БЕССМЕРТНЫЙ

7

КОНЕЦ МОНПЛЕЗИРА

Конец Монплезира

287

Мышь. *Литературная история*

308

Бессмертный

Роман

В самом дальнем и, стало быть, самом жилом и укромном углу обычной типовой двухкомнатной квартиры ветеран Великой Отечественной войны Алексей Афанасьевич Харитонов лежал, глухо замураванный в своем расслабленном обабившемся теле, вот уже четырнадцать лет. «Очень хорошее, крепкое сердце», — бормотала себе под нос участковый врач, старенькая, похожая на мудрую крысу Евгения Марковна, каждый месяц добиравшаяся на тонких, широко расставляемых ножках до этой квартиры и до этого угла, где парализованный простирался на свежей, косо натянутой под ним простыне, наряженный под одеялом в новые, с резинкой как пулеметная лента, кое-как надетые трусы. «Сердце просто как у молодого», — продолжала бормотать ученая старуха, размачивая под

Ольга Славникова

краном растресканную щепку дешевого мыла, в то время как жена ветерана, молодая пенсионерка Нина Александровна, держала наготове клочковатое от стирок махровое полотенце. Обе женщины молчаливо понимали, что про сердце — это не объяснение.

Было что-то странное и даже зловещее в ненормальном долголетии Алексея Афанасьевича. В отличие от большинства ветеранов той уже баснословной войны, ежегодно, хоть и неравномерно уменьшавшихся в числе, Алексей Афанасьевич пошел воевать не мальчишкой, а взрослым мужиком, уже окончившим училище и поработавшим в школе. И если эти, молодые по сравнению с ним старики, то и дело собиравшиеся под новыми, несколько бумажными на просвет красными знаменами, казались потомками тех, кто когда-то юным уходил на фронт, — совсем другими людьми, рожденными из долгого жизненного сна, в котором умерли, не выдержав непосильной длительности, истинные обладатели памяти о войне, — то Алексей Афанасьевич, напротив, поражал своей *доподлинностью*, пронесенной сквозь смутные и ярко освещенные годы: одним своим наличием он настолько полно удостоверял самого себя, что за все время его беспартийной жизни мало кому из облеченных властью людей приходило в голову спросить у него документы.

Каждое состояние и действие этого человека длилось ровно столько, чтобы и он, и окружающие вполне осознали и запомнили совершенное; должно быть, полтора десятка человек, некогда уби-

Бессмертный

тых им, армейским разведчиком, беззвучно и без применения оружия, были из тех немногих, кто еще живьем приблизился к разгадке, что же такое смерть. Алексей Афанасьевич подарил им это знание, которого они сподобились, выплясывая ногами, сумасшедше косясь куда-то за собственный висок, роняя на землю автоматы, миски с супом, порнографические открытки; самая удачливая снасть Алексея Афанасьевича — петля из крепкой шелковой веревки, имевшая преимущество перед ножом, который даже самой темной ночью ловил на лезвие неизвестно откуда брошенный свет, — ни разу не дала промашки, и сам разведчик, зажимая горстью теплое, как каша, мычание фашиста, явно чувствовал момент, когда из тела с мягким толчком, точно спрыгивает кошка, выходит душа. В перерывах между опасной работой, чтобы не потерять инструмент, Алексей Афанасьевич носил петлю на собственной шее, как иные несознательные носили на войне нательные кресты; иногда заношенный шнурок и правда принимали за крест. То ли из мужской нелюбви к сопливым постирушкам, то ли из опасения смыть с залоснившегося шелка гладкость и удачу Алексей Афанасьевич никогда не полоскал веревку ни в одной из прелых банек, где выпадало отпаривать фронтовую соленую грязь, — и веревка, пропитываясь телом, все больше становилась частью его самого. Сзади, на шее, где грязная петля натирала худой, как велосипедная цепь, скользкий от пота позвоночник, у разведчика краснела и мокла воспаленная полоса — от нее у Алексея Афанасьевича навсегда оста-

Ольга Славникова

лась сильно чесавшаяся при сырой погоде грубая отметина.

После демобилизации Алексей Афанасьевич, имевший восемь орденов и бесчисленно наград поменьше, не полез ни в какие начальники, посвятив всего себя (как писала заводская многотиражка) мирной работе в техническом архиве; однако взгляд его холодных, с каменной прозеленью, глаз содержал предупреждение, и движения его были таковы, что наблюдателю невольно думалось, сколько же весят *по отдельности* его обваренная загаром ручища, его хромяя и его здоровая нога. Из-за фронтной хромоты Алексей Афанасьевич шагал, будто левая половина тела содержала дополнительный, навсегда навьюченный груз, который следовало, вскидываясь и устраивая поудобнее невидимые лямки, непременно доставить с места на место: каждый следующий шаг с опорой на крепкую, широко забирающую трость зависел не от рельефа местности, но исключительно от навыка неспешной перекошенной ходьбы с грузом самого себя (с грузом сердца, неустанно бухавшего слева под рубахой). Алексей Афанасьевич жил, никогда и ничего себе не объясняя, но как бы запоминая себя по частям, — оттого все прожитое всегда находилось при нем, и казалось, что существование ветерана просто не может прерваться, потому что какая-то часть его сознания никогда не дремлет и надежно присоединяет настоящее к прошлому, где он всегда и навечно живой. *Доподлинность* его, казалось, гарантировала бессмертие, при мысли о котором у Нины Александровны,

Бессмертный

бывшей моложе мужа ровно на четверть века, в душе поднимался немой суеверный вопрос и как-то ясно возникало представление о собственных похоронах, точно это случится уже послезавтра, — и как это будет странно для нее, спящей на раскладушке рядом с высокой мужниной кроватью, вдруг улечься выше Алексея Афанасьевича, на обеденном столе, прямо в платье и туфлях под гробовой простыней.

Четырнадцать лет назад шествие Алексея Афанасьевича по земле неотвратимо прервалось. Когда он после ужина курил на тесном, курчаво цветущем балкончике, под его немалой тяжестью сперва зашаталась, заходила ходуном всегда бесшумная трость, а сам он некоторое время еще стоял как бы в невесомости, прежде чем рухнул на пустые банки и тазы, заняв собою весь разгромленный балконный пяточок. Нина Александровна, прибежавшая из кухни на страшный стеклянный набат, не смогла попасть на балкон — там было некуда поставить ногу, чтобы не наступить на Алексея Афанасьевича, резко белевшего словно полувываленным из тела животом, — не смогла увидеть его лица, только остекленелую в воздухе прядь седины, которая встала дыбом, когда Алексей Афанасьевич бесчувственно съезжал затылком по балконному косяку. Пока приехала бригада реанимации, пока прибежали от друзей дочка Нины Александровны Марина и зять, тогда еще просто ночующий жених Сережа Климов, пока удалось с помощью связанных полотенец вытащить с балкона застрявшее тело, словно норовив-

шее обнять себя перекидывающимися длинными руками, — прошло не меньше полутора часов. Половина лица Алексея Афанасьевича была оттянута книзу и странно размазана, точно кто-то пытался грубо стереть его простые солдатские черты; встопорщенные брови, всегда похожие на двух петухов, теперь разъехались в разные стороны, и левый глаз, полуприкрытый расслабленным веком, жутковато посверкивал полоской закровеневшего белка.

Таким оно, в общем, и осталось, это *половинное* лицо, бывшее в любом развороте всего лишь профилем чего-то человеческого. В периоды непонятных улучшений, приходивших вдруг ни с того ни с сего, Алексей Афанасьевич, криво щерясь и словно пытаясь зажевать зубами измятую щеку, иногда выдавливал какие-то дурные, протяжные, вязкие звуки, напоминающие выкрики пьяного, охваченного негодованием или жалостной песней. Иногда у него начинала двигаться левая рука: ею он возил туда-сюда по одеялу и даже удерживал, беря с осторожным, медленным подкрадыванием, странно повернутые или вовсе перевернутые предметы, неспособные, однако, заполнить пустоту его закостеневшей пятерни.

Эта *перевернутость* вещей в бесчувственной руке Алексея Афанасьевича выражала отсутствие для него вертикалей и горизонталей нормального пространства. Когда-то Нина Александровна, женщина маленькая и с детской пушистой макушкой, гордилась богатырским ростом мужа в метр девяносто два — но теперь эта цифра, вероятно, не

Бессмертный

изменившаяся, не имела никакого физического смысла. Не имели значения также размеры одежды (Нина Александровна просто покупала на оптовом рынке самое обширное из полоскавшегося на ветру ассортимента). Хромота Алексея Афанасьевича, прежде поднимавшая его еще выше над ровной толпой, теперь исчезла совсем: отсутствие на левой ноге всех пальцев, кроме похожего на древесную почку прижатого мизинца, выглядело как легко восполняемое в уме повреждение статуи.

Выходило, что тело парализованного, по-прежнему достоверное в своем наличии, даже болеющее изредка бытовыми людскими болезнями (простуда, гастрит), вовсе не имеет пространственных размеров, а только вес, под которым *никогда не звенит* старинная, похожая на железную карету трофейная кровать. Вес, это невидимое свойство неподвижных вещей, был теперь для Алексея Афанасьевича, пока его не трогали, всего лишь способом взаимодействия с таким же, как и он, абстрактно-астрономическим центром Земли. Когда же Нина Александровна ворочала его по параличным меркам ухоженное тело, отмеченное старыми шрамами, напоминающими бледные расплюснутые стебли, какие бывают под валунами, — ей казалось, будто она на миллиметр сдвигает с места всю *незримую* земную массу, принимающую ветерана за свою естественную часть.

Этот ежедневный труд давался таким напряжением сил, что порою Нина Александровна долго пересидивала накачанную в голову тугую черноту, дававшую почувствовать, как в действительности

непрочны попискивающие за ушами крепления черепа. Однако, очнувшись и обнаружив себя на прежнем месте, она как ни в чем не бывало снова принималась за труды — с тем легкомыслием, что странно сочеталось у нее с немалым возрастом и мелкой сединой, не видной, впрочем, в ее воздушных, очень светлых волосах, только заставлявшей их сильнее блестеть при мягком свете домашнего электричества. Продолжала она ухаживать и за прежней одеждой Ивана Афанасьевича: его коричневые ботинки, на которых застарелый слой обувного крема походил на шоколад, стояли в прихожей рядом с ее пропыленными туфлями, в платяном шкафу висел, имея в каждом кармане средство от моли, пухлый, словно располневший от безделья габардиновый костюм — давно готовый к своей последней похоронной миссии, в которую, однако, не верило и не желало верить ветеранское семейство.

* * *

Дело в том, что неподвижность, навсегда занявшая дальний сумрачный угол квартиры, была на самом деле действеннее и активнее, чем вся другая ходячая и говорящая семейная жизнь. В новом времени, наставшем вдруг, семья Харитоновых, не получившая никаких подарков на детском празднике капитализма, существовала главным образом на ветеранскую пенсию. Беспечная Нина Александровна, всю жизнь просидевшая в тихой проектной конторе у чистенького окошка, всегда укра-

Бессмертный

шенного, на манер платка, то морозными узорами, то нарядными ветками кленов, никогда не беспокоилась о будущем, потому что долгие годы каждый новый день ее ничем не отличался от вчерашнего. Любое маленькое счастье, вроде отреза заскоружло прокрашенной югославской шерсти или свадьбы сослуживцев — двух немолодых, одинакового роста инженеров, много лет ни перед кем не признававших свои отношения и наконец-то собравшихся в ЗАГС, — совершенно заслоняло от нее туманность перспектив. Потом, когда весь воздух новой жизни сделался таким, каким он бывает в комнате с выбитыми окнами, и все знакомые человеческие лица странно утекли в себя, точно вода в изношенный песок, Нина Александровна вдруг осознала, что теперь нельзя, запрещено и глупо радоваться *чужому*: тогда ее собственные радости вдруг показались ей совершенно ничтожными, словно она держала их в горсти и видела какие-то дешевые блестки, цветные тряпочки, покрытые коростами мелкие монетки. Что же касается собственно денег, то обращение с ними требовало теперь особой сноровки: увеличиваясь до невероятных сумм, они одновременно уменьшались и буквально таяли в руках, экономить их было бессмысленно. Нина Александровна пыталась при случае делать запасы: однажды она невероятно дешево закупила полную хозяйственную сумку грубых макарон, что деревянно трещали в своих бумажных колчанах и варились по часу, превращая содержимое кастрюли в несъедобный клейстер. Были и другие продуктовые закупки, пересыпан-